

Зуева Ольга Владимировна, Белорусский государственный университет, Минск
**Особенности структурно-композиционной и стилистико-коммуникативной
организации древнерусских духовных посланий XI-XVII веков**

Послания духовного религиозно-нравственного содержания – образцы эпистолярного жанра средневековой Руси – неоднократно становились предметом филологического изучения: к настоящему времени обоснована генетическая связь древнерусских памятников (в широком понимании периода как донационального, XI-XVII вв.) с апостолическим письмом и сочинениями «отцов церкви»; выявлена соотнесенность византийской и славянской эпистолографических традиций; обстоятельно прокомментировано функционирование прецедентных текстов в избранных источниках (1). Исследователи уделяют внимание содержательной топике посланий и представленной в них системе художественно-изобразительных средств. Названные аспекты отражают подход к изучению духовных писем как памятников литературного творчества, закономерно предполагающий дополнение анализом лингвистических данных. Наблюдения над коммуникативной, структурной и стилистической организацией текстов XI-XVII вв., проводимые в рамках исторической стилистики и генологии, направлены на установление возможности конституировать языковой инвариант указанных характеристик в синхронии и диахронии, описание и квалификацию (узуальность/окказиональность) случаев языкового варьирования, определение места духовных посланий в системе регистров средневековой письменности. Послания при этом рассматриваются не изолированно, а в сопоставлении с другими образцами эпистолярного жанра соответствующего периода, а также текстами иных жанров.

Как тип речевого произведения духовное письмо представлено различными конкретными текстовыми реализациями. В основание классификации текстов могут быть положены критерии, применимые для дифференциации любой группы эпистолярных памятников: характер социальных взаимоотношений коммуникантов и авторская интенция. В соответствии с первым критерием выделяются частный и официальный *типы* духовного послания. Специфика частного духовного письма, сохраняемая на протяжении веков и отличающая его от, например, частного бытового, отражающего объективную близость адресанта и адресата, заключается в *нивелировании* действительного характера отношений коммуникантов: послания церковных иерархов князьям или монахам демонстрируют не обращение церковной власти к светской или вышестоящего лица к нижестоящему, но общение отца и духовного чада, общение братьев *о Христѣ* (см. устойчивые номинации адресата: *чадо, сыну, любимиче, любимый и сладчайший мой брате* и др.). Официальным письмам подобное коммуникативное моделирование не свойственно. Доминирующая авторская интенция определяет *разновидность* текста: 1. тип частного письма: собственно поучение (в том числе «ответ на вопрошание»), духовная беседа, утешение, исповедь, «вопрошание»; 2. тип официального письма: пастырское воодушевляющее послание (обращение церковного иерарха к выступающему на брань князю), поучение, беседа.

Не имея возможности в пределах данной статьи даже поверхностно рассмотреть организацию всех названных разновидностей писем, в качестве примера обратимся к частным письмам-поучениям – древнейшей и самой многочисленной подгруппе духовных посланий.

В структуре послания-поучения, равно как в структуре любого письма XI-XVII вв., выделяются фрагменты инвариантного содержания, или смысловые блоки (СБ), эксплицируемые высказываниями различной степени устойчивости и лексической распространенности (формула-клише, формула – фраза со стержневым словом, свободное предикативное сочетание – фраза без стержневого слова, ср.: (2)), выполняющими текстообразующую функцию и конституирующими принадлежность памятника к эпистолярному жанру: приветствие – указание на коммуникантов, констатация получения письма, призыв писать и т.д. Содержательно-синтаксическое членение текста на блоки-

высказывания отличается от композиционного членения на вступление, основную часть (семантему) и концовку.

Частота введения и выбор языковых средств наполнения СБ зависят от вида письма и диахронического промежутка. Сопоставление посланий-поучений XI-XIV и XV-XVII вв. обнаруживает две тенденции: с одной стороны, сохранение относительной простоты структуры текстов вне влияния временного фактора, с другой – изменение структуры в сторону ее усложнения за счет включения блоков, неизвестных более ранним духовным посланиям (однако релевантных для других видов письма), дублирования одних и тех же блоков в разных композиционных частях текста и употребления в границах одного блока нескольких формул, раскрывающих разные аспекты его содержания или синонимичных.

Простейшая структура представлена, к примеру, в послании Феодосия Печерского князю Изяславу «о неделе», 1060-е гг., текст которого членится на четыре блока-фрагмента: 1. комментарий адресанта по поводу своего письма, сообщающий, в том числе, о его косвенной мотивации: *Что възмыслилъ еси, боголюбивый княже, въпрашати мене, некнижна и худа, о таковей вѣщи...* – основу высказывания образует вариант этикетного клише *[что] вопрошалъ еси о...*; 2. изложение авторской интенции – полностью проецируемая на семантему последовательность информативных высказываний, включающая цитирование слов адресата посредством косвенной речи: *Реклъ бо еси, благородне, аще отречется въ среду и в пятницу не ясти мяса, добро ли есть* – и маркированное введение фрагмента апостолического письма: *Рече бо святии Павелъ апостоль...*; 3. указание источника информации, фраза со стержневым оборотом: *И не я сего завѣщаю, нъ божественнии святии апостоли да тако законъ положиша*; 4. прощание-клише: *А Богъ мира буди с вами. Аминь* (3). Отсутствие приветствия является обычной особенностью частного духовного послания XI-XVII вв., не зависящей от его конкретной разновидности: данный блок не представлен почти в половине проанализированных текстов (31 из 65 источников). Зачин таких писем может оформляться метакоммуникативным высказыванием: черноризец Георгий своему духовному сыну, до 1280 г.: *Се пишу к тебе, чадо мое узлюбленное о Господи* (4). Более распространенным, однако, является использование формулы-клише косвенной мотивации своего письма, репрезентирующей особую разновидность послания-поучения – «ответ на вопрошание» (приветствие в препозиции относительно формулы мотивировки появляется в нем начиная с XV в.). Данная композиционная черта присутствует в греческих канонических посланиях и, очевидно, унаследована славянскими письмами от них. В текстах XI-XIV вв. представлено незначительное словообразовательное варьирование стержневой глагольной лексемы формулы косвенной мотивации (*въпрашалъ/въпросилъ [еси]*); формулы в позднейших памятниках содержат синонимичные и семантически близкие глаголы (*Что мене... пытаеши о...* – Иосиф Волоцкий архимандриту Вассиану, к. 1470х гг. (5); *Поне же... сподобляеши мене...* – Максим Грек Василию Тучкову, до 1525 г. (6); *Однако ты приказываеши* – прот. Аввакум ученику Симеону, 1673-74 гг. (7)). Текстобразующая функция клише *вопрошаеши о...* в посланиях-поучениях шире оформления зачина: повторение формулы в семантеме организует последовательность изложения мысли адресанта (см. послания митр. Киприана (8), Нила Сорского (9) и др.). Аналогичную организацию текста демонстрируют сочинения «отцов церкви» и древнейшие памятники канонического права.

Отметим, что формулы приветствия ничем не отличаются от формул, известных другим типам писем: *поклоняние отъ X-а* (адресанта) *Y-у* (адресату) (XII в.), *Y-у X челомъ бью* (XV-XVII вв.), *Y-у X радоватися о господѣ* (XVI в.) и др. Привлекают внимание высказывания, характеризующие жанровое восприятие или оценку автором содержания высылаемого текста, напр.: *слово ми есть к тобѣ, княже боголюбивый* (послание Феодосия Печерского князю Изяславу «о вере латинской», 1060-е гг. (10)) – семантика лексемы *слово* в данном контексте неоднозначна: либо 'обращенная речь' (метакоммуникативная характеристика), – ср. в бытовой берестяной грамоте № 755, до 1380 г.: *только за мною и словъ* (11) – либо

‘поучение’ (жанровая характеристика) – ср. в послании Аввакума боярыне Морозовой: *Книга* [‘письмо’] *инокъ Феодоръ* (12).

Важнейшим этикетным смысловым фрагментом послания-поучения XI-XVII вв. является блок «комментарий по поводу своего письма». Мотивация и характеристика письма адресанта выступают важнейшими подтемами блока. Высказывания, раскрывающие первую подтему и представленные преимущественно фразами со стержневыми словами, можно разделить на сообщающие объективную («ради адресата» и «по заведенному порядку») и субъективные («ради адресанта») мотивации. Объективную мотивацию «ради адресата» называют клише типа *въпрашалъ еси о...*; фразы со стержневыми словами *преслушати не смел твоего повеления, по твоему прошению писал* и др. Мотивация «по заведенному порядку» отражена в высказываниях со стержневым словом *долженъ, должно*, ключевыми для средневековой культуры: письмо архиепископа князю, XVI в.: *...понеже... должно ми есть пеицися о спасеньѣ душъ вашихъ* (13). Субъективную причину обращения с письмом в поздних текстах называют клише из церковной фразеологии: в том же послании: *убояся лѣниваго раба осуженія, скрывавшаго талантъ въ землю*; единично отмечены свободные фразы типа *Неблагодарен бо и дурен буду велми въправду от всех непицеван буду, аще млчанием премину то*, письмо Максима Грека Тучкову (14).

Наибольшим лексико-грамматическим варьированием отличаются обороты, раскрывающие подтему «характеристика письма адресанта». Репрезентирующие их метакоммуникативные высказывания включают лексемы и предложно-падежные сочетания неодинаковой степени устойчивости, указывающие на тот или иной аспект характеристики текста: 1. источник информации: клише *отъ святыхъ апостолъ, отъ святыхъ книгъ, отъ божественныхъ правилъ (писаніи)* и др., XI-XVI вв. 2. Качество письма и манера общения: стержневые именные или адвербиальными лексемы негативной и пейоративной семантики: *[не прогневайся, не возненавиди мене], не от ума, но от безуміа написавшу*, Кирилл Туровский архимандриту Василию, 1180-е гг. (15), *Се жестоко глаголю, да жестока не искусишь*, черноризец Яков князю Дмитрию Борисовичу, 1276 г. (16), и др. Ряд высказываний построен по схеме двучленной моно- или полипредикативной конструкции, реализующей сопоставительные отношения. 3. Предназначение письма: стержневые слова *польза, спасеніе, цельба, утѣшеніе* и др. и их дериваты. Отмечено введение слов в формулу мотивации письма, отражающее контаминацию двух этикетных высказываний: ср. употребление отдельной причастной конструкции в приводимом выше письме неизвестного князю *[не преслушайся мене], на ползу ти совѣтующа*, и контаминированного оборота в письме Нила Сорского Гурию Тушину: *Требуещи от моеа худости написано послати тебѣ слово полезно – еже къ благоугоженію Божію и къ ползѣ души* (17). 4. Объем письма: фразы со стержневыми наречиями *мало, вкратцѣ* типа *нечто в малѣ пишу, вкратцѣ написахъ*. Распространены случаи контаминации в одном контексте оборотов, называющих разные характеристики письма, усложняющей структуру блока: к примеру, в письме Максима Грека Тучкову клише *мал убо поминок чернилом и бумагою, а не убо и силою разума* называются объем (*мал чернилом и бумагою*), предназначение (*поминок* – ‘дар’) и качество текста (*[мал] силою разума*) (18).

Во всем проанализированном корпусе эпистолярных текстов XI-XVII вв. разных типов и видов (сплошная выборка формул и свободных текстообразующих высказываний – более 800 памятников) только в частных духовных посланиях и примыкающих к ним письмах интеллектуальной тематики обнаружена экспликация подтемы «призыв прочесть письмо адресанта». Фраза со стержневым императивом *прочитай: прочитай же, княже мои, не единою, ни дважды, но и множицею, и ты..., и сынове твои*, послание митр. Никифора Владимиру Мономаху, 1110-е гг. (19), сохраняется до XVI-XVII вв., см. письмо прот. Ивана Неронова прот. Стефану Вонифатьеву, 1654 г.: *Самъ сіе писаніе со вниманіемъ почти многажды и царю* (20) и др. Высказывания всегда помещаются в конец текста, т.е. обращают внимание читателя на уже прочитанное письмо, выполняя таким образом функцию катафорического смыслового элемента. Отметим, что данный содержательный фрагмент,

также в заключительной части текста, входит в структуру выходных записей на древнерусских книгах – памятников, по ряду признаков допускающих отнесение к отдаленной периферии эпистолярного жанра.

В отличие от приветствия, прощание является обязательным для духовного послания XI-XVII вв. блоком, примеры его отсутствия единичны. Типичное наполнение блока – молитвенные клише-благопожелания и славословия типа *милость (благодать) Божія на тобѣ, ...ему же слава во веки вѣком, аминь*. В посланиях XV в. появляются клише *здравствуй о господѣ, здравъ буди, челомъ быю*; возникает тенденция дублирования прощальных конструкций.

Приведенные примеры иллюстрируют устойчивость наполнения структурных схем посланий XI-XVII вв. Используемые для передачи содержания СБ вербальные средства обнаруживают высокую степень клишированности: многие формулы, отмеченные в текстах XI-XIII вв., активно используются в XVI-XVII вв.

До XV в. названные этикетные элементы и собственно информативная часть текста исчерпывают типичную организацию писем-поучений. Начиная с XV-XVI вв. в текстах появляются формулы, эксплицирующие СБ (благодарность за письмо, призыв писать, дата), характерные для писем других типов, что может свидетельствовать о некотором сближении духовного и светского (бытового, делового) письма. При этом, однако, существенны различия в лексическом выражении формул: например, призывая получателя ответить, Иван Неронов просит не сообщить о своем состоянии, как адресант бытового письма (клише *пиши о своемъ здоровьѣ*), а прислать наставительный текст: *Ко утверженію моему на ползу ми отпиши* (фраза со стержневым словосочетанием) (21). Введение подобных конструкций не является частотным. Ни в одном духовном письме XI-XVII вв. не отмечен блок «сообщение о себе», распространенный в бытовой переписке.

Близость стилистики посланий-поучений стилистике проповеди не требует доказательств. В текстах двух тематически единых жанров используются общие формулы и реализуются однотипные риторические приемы: ораторское *мы* наряду с *мы*-смирения, настоящее историческое время глаголов, вводящих аргументирующие цитаты, обилие глаголов речевой деятельности (*реку, глаголю, беседую*), лексические повторы и синтагматриады как элементы стиля «плетения словес» в текстах XV-XVI вв., риторические вопросы и восклицания и др. Так же, как и проповедническая литература, абсолютное большинство посланий-поучений XI-XVII вв. создано на церковнославянском языке строгой нормы (по критериям М.Л. Ремневой (22)), т.е. принадлежит к книжному письменному регистру (23). Образцы сниженной нормы (гибридный регистр) появляются в XV в. в посланиях, адресованных, в основном, светским лицам, и сохраняют обусловленность «фактором адресата» в дальнейшем. Уникальными являются сочинения прот. Аввакума – духовные послания *бытового* регистра с *элементами* книжных языковых средств.

Рассмотренные в диахронии на примере частного послания-поучения особенности организации древнерусских духовных писем свидетельствуют о сложении (или усвоении) устойчивых структурных и коммуникативно-стилистических моделей в памятниках XI-XII вв. и сохранении их в сочинениях позднейшего времени. В то же время в посланиях XV-XVII вв. наблюдается тенденция к расширению количественного и лексического состава смысловых блоков; среди репрезентирующих их высказываний абсолютно преобладают клише и фразы со стержневыми словами. Имманентные коммуникативные качества эпистолярных текстов (конкретная адресация, диалогичность) дополнены в духовном письме риторическими возможностями жанров дидактического красноречия, реализация которых является его неотъемлемым свойством. Снижение книжной строгой нормы в позднейших памятниках не столько связано с общей демократизацией их языка, сколько отражает языковую личность автора и ориентацию его на определенного адресата.

(1) Назовем некоторые посвященные указанным проблемам труды: Буланин Д. М. Переводы и послания Максима Грека: Неизданные тексты. Л., 1984; Броджи-Беркофф Дж. Древнерусская и византийская эпистолография: Сравнительный анализ // Культура и общество Древней Руси (X-XVII вв.). Реферативный сборник. В 2 ч. Ч. 2. М., 1988. С. 268-275; Понырко Н.В. Эпистолярное наследие Древней Руси XI-XIII вв. Исследования. Тексты. Переводы. СПб., 1992; Антонова М.В. Древнерусское переводное послание XI-XIII веков: формальные модели. Орел, 1998; Auf Gottes Geheiss sollen wir einander Briefe schreiben. Übersetzungen, Kommentare und eine einführende. Studie von Freydank D., Sturm G., Harney J., Fahl S., Fahl D. Wiesbaden, 1999.

(2) Сметанин В.А. Византийское общество XIII-XVI веков (по данным эпистолографии). Свердловск, 1987. С. 15.

(3) Понырко Н.В. Указ. соч. С. 14-17.

(4) Там же. С. 152.

(5) Послания Иосифа Волоцкого. М., Л., 1959. С. 139.

(6) Буланин Д.М. Указ. соч. С. 200.

(7) Памятники литературы Древней Руси: XVII век. Книга 1. М., 1988. С. 557.

(8) Русская историческая библиотека. Т. 6. Ч. 1 (Памятники XI-XV вв.). СПб., 1908. Стб. 243-270.

(9) Преподобные Нил Сорский и Иннокентий Комельский. Сочинения. СПб. 2005. С. 230-238.

(10) Понырко Н.В. Указ. соч. С. 16.

(11) Зализняк А.А. Древненовгородский диалект. М., 2004. С. 636.

(12) Памятники... С. 558.

(13) Русская историческая библиотека. Стб. 877-882.

(14) Буланин Д.М. Указ. соч. С. 200.

(15) Понырко Н.В. Указ. соч. С. 166.

(16) Там же. С. 200.

(17) Преподобные Нил Сорский... С. 230.

(18) Буланин Д.М. Указ. соч. С. 204.

(19) Понырко Н.В. Указ. соч. С. 73.

(20) Материалы для истории раскола за первое время его существования. Т. 1. М., 1874. С. 93.

(21) Там же. С. 96.

(22) Ремнева М.Л. Пути развития русского литературного языка XI-XVII вв. М., 2003. С. 30-32.

(23) Живов В.М. Автономность письменного узуса и проблема преемственности в восточнославянской средневековой письменности // Славянское языкознание. XII съезд славистов. Краков, 1998. Доклады российской делегации. М., 1998. С. 212-247.